

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова
Исторический факультет

На правах рукописи

Путятин Владимир Сергеевич

Российские профессора югославских университетов (1920-1941).

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент

Тесемников Владимир Алексеевич (МГУ им. М.В. Ломоносова)

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Косик Виктор Иванович (Институт славяноведения РАН)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

Едемский Андрей Борисович (Российский институт стратегических исследований)

Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Защита состоится « 21 » апреля 2010 г. в 16.00 на заседании Диссертационного совета Д.501.002.12 по всеобщей истории при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119992: г. Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, Ломоносовский проспект, д.27/4.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького (г. Москва, Ломоносовский проспект, д.27)

Автореферат разослан « 17 » марта 2010 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета

Кандидат исторических наук, доцент

Т.В.Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы исследования. Миграция отечественных научных работников за рубеж – заметное явление российской истории на протяжении всего XX столетия. Этот процесс развивался неравномерно, имел свои подъемы и спады, предопределяемые главным образом политическими событиями в России. Один из таких всплесков миграции приходится на период гражданской войны, когда страну покинули не только тысячи активных борцов с советской властью, но и не пожелавшие признать произошедшие на родине перемены сотрудники университетов и научных институтов. Чаще всего уезжали в никуда, им никто не предлагал научные гранты и стипендии. Уезжали в полной уверенности, что эмиграция продлится недолго, народ очень скоро поймет истинное лицо новой власти, свергнет ее, и они вновь вернутся на свои кафедры и в лаборатории, чтобы продолжить благородное дело просвещения России.

Но история распорядилась иначе. Советская власть не только не рухнула, но и продолжала укрепляться, демонстрируя при этом немалый созидательный потенциал. Некоторые из ученых вернулись в Россию вместе с тысячами других эмигрантов, воспользовавшихся политической амнистией 1921 г. Но большая часть осталась за рубежом, образовав российскую научную диаспору, своеобразный культурный феномен мирового масштаба. Вчерашних российских профессоров, доцентов, ассистентов и аспирантов можно было встретить не только в Европе, но и на других континентах, где они с большим или меньшим успехом пытались продолжать свою профессиональную деятельность. Следует сказать, что ни в отечественной, ни в зарубежной исторической науке до настоящего времени в полной мере не определены количественные и качественные характеристики российской научной диаспоры. Авторы исследований, касающихся покинувших страну научных кадров, оперируют разнородными и противоречивыми оценками, чаще всего имеющими фрагментарный или экспертный характер.

В связи с этим представляет несомненный научный интерес определение численности научных работников, оказавшихся по собственной воле вне пределов России, а также изучение их дальнейшей профессиональной судьбы. Решить эти задачи, по нашему мнению, можно только на основании конкретно-исторических

исследований страноведческого характера. К тому же следует иметь в виду, что эмигранты нередко меняли не только университеты, но и страны пребывания, поэтому важно выяснение пофамильного состава научной диаспоры.

Одним из крупных центров сосредоточения российских ученых-эмигрантов было Королевство сербов, хорватов и словенцев/Королевство Югославия. На его территории действовали три университета – Белградский с филиалом в Скопье, Загребский и Люблянский, то есть для того времени достаточно много для страны с 12-миллионным населением. Несомненно, что наличие необходимых образовательно-научных центров и другие благоприятствующие факторы, в том числе традиционные связи России и Сербии, языковая близость, нехватка собственных научных кадров открывали перед российскими учеными-эмигрантами дополнительные возможности трудоустройства и продолжения научных занятий.

Объект исследования – российская эмиграция в Королевстве СХС/Королевстве Югославия (Югославии), ставшая частью не только югославского общества, но и истории принявшей их страны.

Предмет исследования – научно-педагогический аспект деятельности российских ученых в Югославии в 1920–1941 гг., позволяющий комплексно рассматривать участие эмигрантов как в работе научных и общественных организаций российской диаспоры, так и в рамках организационных структур югославской науки и образования. Под определением академической деятельности нами понимается профессиональное творчество российских ученых как одна из форм практической деятельности и все сопутствующие ей виды работы: педагогической, археографической, редакционно-издательской, организационно-административной.

Основные цели и задачи исследования. Целью исследования является изучение научно-педагогической деятельности российских профессоров в югославских университетах и их филиалах с момента прибытия в Королевство СХС до начала Второй мировой войны, прервавшей процесс интеграции российских ученых-профессоров в югославское университетское сообщество в указанный период.

Для достижения главной цели диссертационной работы были сформулированы следующие исследовательские задачи:

- 1) показать сложности и трудности адаптации российских эмигрантов в Королевстве СХС, как один из факторов, повлиявших на решение некоторых из них покинуть страну (в том числе и профессоров);
- 2) установить максимально точное количество российских преподавателей югославских университетов;
- 3) проанализировать состав российской профессуры, определить какие специалисты были больше всего востребованы в югославских университетах;
- 4) рассмотреть деятельность академических организаций в Югославии, в которых российские профессора играли ведущую роль;
- 5) отобразить вклад российских профессоров в культуру и науку Югославии.

Означенные задачи носят принципиальный характер, поскольку речь идет не только о восстановлении югославского следа в российской науке, представленной эмигрантами, но и о справедливой оценке её влияния на развитие высшей школы в Югославии.

Хронологические рамки исследования. Диссертация охватывает период с 1920 по 1941 г. Хронологические рамки исследования обусловлены конкретными событиями, связанными с началом и завершением в основных чертах явления массовой российской научной эмиграции в Югославии. Именно в 1920 г. в Королевство СХС прибыла подавляющая часть интересующей нас группы российских эмигрантов. Завершающий рубеж исследования – 1941 г. – начало войны Германии против Югославии, что привело к прекращению регулярных занятий в Белградском университете, в котором преподавало большинство российских профессоров. В ряде случаев хронологические рамки работы несколько расширены, что обусловлено основной целью исследования.

Историографический обзор. Исследовательский интерес к истории российской эмиграции в **отечественной историографии** зародился сравнительно рано¹. Уже в начале 1920–х гг. в Советской России вышли из печати первые публицистические и мемуарные произведения, которые затрагивали проблемы

¹ Подробнее см.: Голдин В.И. Постижение России №2. Историки об эмиграции: что сделано и что делать // Родина. 2009. №4. С.7–13.

беженцев². Они имели ярко выраженный обличительный характер. Эта тенденция сохранялась в советской историографии многие последующие десятилетия. Только в конце 1980–х гг. в отечественной историографии появились первые работы, в которых затрагивалась не только политические, военные, но и культурные аспекты жизни российских эмигрантов.

Примером такого рода может служить книга Л.К. Шкаренкова «Агония белой эмиграции», вышедшая в 1987 г. Хотя ее автор традиционно экспонирует преимущественно военную составляющую эмиграции, вне его внимания не осталась научная деятельность российских ученых и профессоров. Этому посвящена специальная глава, в ней затронут и югославский сегмент российской научной диаспоры. Общее хорошее впечатление от книги несколько страдает из-за несдержанности автора в подборе терминов, более подходящих для агитационной брошюры, чем для исторического исследования.

Еще в 1970-е гг. к теме российской эмиграции обратился известный советский специалист по истории Древней Руси В.Т. Пашуто. Правда, его монография в силу ряда причин увидела свет уже после смерти автора, в 1992 г.³ В ней впервые в отечественной историографии была предпринята попытка реабилитации творческого наследия российских историков, покинувших Россию после революции.

Говоря о советской историографии следует сказать, что в ней господствовала точка зрения, что Белград был, прежде всего, центром военной эмиграции, прибежищем враждебного СССР белогвардейского офицерства, Париж – центром политической эмиграции, сосредоточением деятелей искусства и культуры, а Прага – наиболее притягательным местом для либеральной интеллигенции и ученых⁴. Для изучения подлинного характера российской эмиграции в Югославии особое значение имели труды В.А. Тесемникова. Так, первой работой в отечественной историографии, в которой была дана принципиально новая оценка состава российской эмиграции в Югославии, стала

² Мещеряков Н.Л. На переломе. М., 1922; Белов В. Белое похмелье. М., 1923.

³ Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

⁴ См. например: Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг. (гражданские беженцы, армия, учебные заведения). Геттинген, 1994.

его статья «Российская эмиграция в Югославии (1919–1945)»⁵. Следует сказать, что многие из поставленных в ней вопросов не утратили своей научной актуальности вплоть до настоящего времени.

В 90–е гг. XX в. исследовательский интерес к проблемам эмиграции был огромен, что, с одной стороны, объяснялось снятием табу с данной темы, с другой стороны, несомненными конъюнктурными моментами. История российской научной диаспоры в Югославии занимает прочное место в отечественном эмигрантоведении. В 1991 г. увидело свет исследование В.А. Тесемникова по истории Русского научного института в Белграде⁶; в 1993 г. – работа о судьбах российских эмигрантов, учившихся в югославских учебных заведениях⁷; в 1994 г. монографическая статья «Русские профессора Белградского университета в межвоенный период (1919–1941)»⁸. В последней публикации мы находим множество ответов на интересующие нас вопросы становления и развития российской науки не только в Белграде, но и во всей Югославии. Ее автор касается судеб ряда выдающихся российских специалистов, чьи имена были преданы забвению.

Важной следует считать совместную статью В.А. Тесемникова и В.И. Косика «Вклад русской эмиграции в культуру Югославии»⁹. В ней рассмотрены все действовавшие профессиональные объединения российских ученых, в том числе и Союз русских педагогов.

Заслуживают внимания работы российского исследователя эмиграции в Югославии В.И. Косика. В 1992 г. он опубликовал статью «Русская Югославия: фрагменты истории, 1919-1944», в которой уделил преимущественное внимание вопросам устройства российской эмиграции¹⁰. Затем в работах ученого все чаще стала возникать тема судьбы российских профессоров в Югославии¹¹. Для более полной реконструкции истории российской научной эмиграции крайне важным

⁵ Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919-1945) // Вопросы истории. 1988. №10. С.128–137.

⁶ Он же. Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941) // Развитие отечественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.,1991.

⁷ Он же. Русские в учебных заведениях Югославии (1921–1941) // Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. М.,1993. С. 29–33.

⁸ Он же. Русские профессора Белградского университета в межвоенный период (1919-1941) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917-1940. М., 1994.

⁹ Косик В. И., Тесемников В. А. Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // Педагогика. 1994. № 5. С.84-89.

¹⁰ Косик В.И. Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 // Славяноведение. 1992. №4. С.20-32.

¹¹ Он же. Русская Сербия // Русская газета. 2005. №36-37.

представляется изучение не только научной карьеры российских ученых, но и их простых человеческих судеб. Такую попытку В.И. Косик предпринял в сборнике очерков «Что мне до вас, мостовые Белграда?». Отдельная глава в нем посвящена «профессорской» эмиграции, очеркистом созданы не официальные, а живые биографии российских ученых¹².

Одной из вех в изучении культурной и научной истории российских эмигрантов в Югославии стал выход в 1996 г. сборника статей на русском языке «Русская эмиграция в Югославии»¹³. В указанном сборнике не только описаны судьбы отдельных ученых¹⁴, но и даны оценки некоторым направлениям российской научной¹⁵ и культурной¹⁶ мысли.

Среди последних фундаментальных исследований стоит выделить монографию Е.И. Пивовара «Российское зарубежье. Социально–исторический феномен, роль и место в культурно–историческом наследии»¹⁷, в которой отдельная глава посвящена развитию науки и образования в эмиграции. Впервые в отечественной историографии говорится не только о Белграде, но и о Загребе как одном из научных центров «Русского Зарубежья».

Подводя итог развитию отечественной историографии, посвященной изучению науки и культуры российской эмиграции, необходимо отметить, что в советской историографии данная тема была отражена поверхностно и находилась под сильнейшим идеологическим прессом. Во многом благодаря политическим изменениям эпохи М. Горбачева произошел переворот в развитии отечественного эмигрантоведения. В условиях складывания современной российской историографии возникает интерес к теме научной и культурной деятельности российских эмигрантов. Среди них для нас особый интерес представляют исследования, проведенные российскими специалистами по югославской истории,

¹² Косик В.И. Что мне до вас, мостовые Белграда? М., 2007.

¹³ Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.

¹⁴ Живоинович М. В.А. Мошин как историк Афона. С. 174-183; Михальчич Р. История сербского права в трудах Ф. Тарановского. С.223-237; Аврамович С. Житие и труды А. Соловьева, корифея истории права. С. 237-251 // Русская эмиграция в Югославию. М., 1996.

¹⁵ Кончаревич К. Вклад русских эмигрантов-филологов в развитие теории преподавания русского языка в Сербии //Русская эмиграция в Югославию. М., 1996. С. 251-263.

¹⁶ Суботич И. Русские художники в белградском народном музее //Русская эмиграция в Югославию. М., 1996. С. 263-270.

¹⁷ Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально–исторический феномен, роль и место в культурно–историческом наследии. М., 2008.

большим преимуществом которых является знание политических, экономических и культурных особенностей югославского общества межвоенного периода.

В развитии **югославской** (затем сербской, словенской и хорватской) **историографии** наблюдаются тенденции, во многом схожие с теми, которые характерны для развития отечественной историографии. Здесь интерес к изучению российской эмиграции проявился сравнительно недавно. Первой пробой пера по этой проблематике следует назвать серию статей (всего 33) югославского журналиста Светозара Лозо под общим названием «От двуглавого орла до свастики», опубликованных в 1976 г. в газете «Политика эспрес»¹⁸. Они посвящены практически всем сторонам жизни российских эмигрантов не только в межвоенной Югославии, но и во время Второй мировой войны, что позволяет понять авторское отношение к российским эмигрантам.

Первой, по-настоящему крупной работой, посвященной российским эмигрантам, стала монография югославского историка О. Джурича «Русская литературная Сербия (1920–1941)»¹⁹. В ней речь идет не только о различных литературных кружках, но и впервые говорится о школьной системе, созданной эмигрантами, о преподавателях и ученых гуманитариях.

В 1994 г. вышел двухтомник «Русская эмиграция в сербской культуре XX в.», в который вошло множество статей югославских историков, в том числе посвященных отдельным крупным российским ученым²⁰. Публикация подобного сборника статей свидетельствовала об определенном интересе со стороны ученых Югославии к изучению вклада российских профессоров в развитие образования и науки в их стране.

Среди современных значительных работ заслуживает внимание монография историка Т. Миленковича, посвященная российским инженерам в Югославии в межвоенный период, в которой много внимания уделено как созданным ими профессиональным организациям, так и их непосредственной деятельности²¹. Другой значительной работой, появившейся в это же время, стала трехтомная монография Л. Димича «Культурная политика Королевства Югославии (1918–

¹⁸ Лозо С. Руска емиграција у Југославији. Од двоглавог орла до кукастог крста //Политика еспрес. 1976. јануар, фебруар.

¹⁹ Ђурић О. Руска литерарна Србија. 1920–1940. Београд, 1990.

²⁰ Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994.

²¹ Миленковић. Т. Руска инжењери у Југославији. 1919–1941. Београд, 1997.

1941)», одна из глав которой посвящена культурному влиянию российских эмигрантов²².

Современным сербским историком, занимающимся изучением российской эмиграции, является профессор Белградского университета М. Йованович. Им еще в 1996 г. была написана монография «Прибытие русских беженцев в Королевство СХС в 1919-1924»²³, внесшая значительный вклад в изучение социального и образовательного уровня российских эмигрантов в Королевстве СХС.

Впоследствии сербский историк расширил проблематику своего первого крупного исследования, результатом чего стало появление фундаментальной работы, в которой отражена практически вся история российской эмиграции в Югославии в межвоенный период²⁴. Но из-за комплексного характера монографии некоторые стороны жизни рассмотрены довольно кратко (в том числе и проблема российской профессуры югославских университетов).

В последнее время в сербской историографии наблюдается рост числа региональных и краеведческих работ, показывающих жизнь российских эмигрантов в небольших городках Югославии. Примером подобного исследования следует назвать работу Н. Палибрк-Сукич, посвященную российским эмигрантам в Панчево, в которой были использованы материалы городского архива и местной периодической печати²⁵.

С недавнего времени стали появляться исследования словенских ученых, посвященных российской эмиграции. В качестве примера можно назвать работу М. Селяка «Русские ученые Словении в эмигрантских научных организаций (1920–1945)»²⁶. Судя по первым исследованиям словенских историков, пока что у них идет процесс накопления знаний о российских ученых, живших в Словении.

Похожие процессы наблюдаются и в хорватской историографии: наиболее значительным исследователем данной темы является Ирена Лукшич²⁷.

²² Димич Л. Културна политика Краљевини Југославији. 1918-1941. Београд, 1997.

²³ Јовановић. М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919-1924. Београд, 1996.

²⁴ Јовановић М. Русска емиграција на Балкану у 1920-1940. М., 2005.

²⁵ Палибрк-Сукић Н. Руске избеглице у Панчеву. 1919-1941. Панчево, 2005.

²⁶ Seljak M. Ruske emigrantske izobraževalne organizacije in organizacije ruskih znanstvenikov v Sloveniji 1920–1945. Ljubljana, 2007.

²⁷ Lukšić I. Ruski emigranti u Hrvatskoj između dva rata //Hrvatska/Rusija, kulturna-povijesna veze. Zagreb, 1999.

Отдельно стоит сказать, что в нашем исследовании было использован ряд работ, посвященных истории Белградского университета в межвоенный период. Вполне естественно, что их авторами были югославские (сербские) ученые²⁸.

Подводя итог развитию югославской историографии, хотелось бы отметить, что она во многом повторила путь отечественной историографии: от стойкого неприятия культурных и научных достижений российских эмигрантов до признания, но уже в сербской историографии, их значительного вклада в развитие культуры и науки межвоенной Югославии.

Эмигрантская историография вопроса зародилась лишь в конце 30–х гг. XX в. Связано это с настроениями, господствовавшими в эмигрантской среде. В первой половине 20-х гг. многие из изгнанников жили мыслями о скором возвращении на родину. Затем появились многочисленные мемуары о жизни в дореволюционной России, о гражданской войне²⁹. И только в конце 30-х гг. стали выходить работы, авторы которых пытались осмыслить роль эмигрантов и их влияние на культуру приютивших их стран. Примером подобной работы следует назвать труд видного российского ученого Г.Н. Пио-Ульского «Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов»³⁰.

Уже после Второй мировой войны появилась значительная работа В.А. Маевского «Русские в Югославии. 1920-1945 гг.»³¹, в которой наряду с темой российских профессоров и ученых в Югославии была затронута проблема столкновения двух похожих, но различных культур.

В 1971 г. вышло комплексное и обширное исследование доктора историко-филологических наук Парижского университета, лауреата Французской академии П.Е. Ковалевского³² «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)»³³. В данной работе был

²⁸ Божич И. Постанак и развој Универзитета у Београду 1838-1988. Београд, 1988; Мајданац Б. Универзитетско веће 1921-1941 године // Универзитет у Београду 1838-1988. Београд, 1988; Прпа-Јовановић Б. Наставници универзитета 1919-1929 године // Универзитет у Београду 1838-1988. Београд, 1988; Ђорђевић Б. Универзитет у Београду. 1863-1963 // Годишњак града Београда. 1962-63. №9-10.

²⁹ См. напр.: Даватц В.Х. Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926; Русский учитель в эмиграции. Прага, 1926.

³⁰ Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939.

³¹ Маевский В.А. Русские в Югославии. 1920-1945. Нью-Йорк, 1966.

³² Подробнее о нем см.: З.С. Бочарова. «Культурное распространение России пошло в XX в. через рассеяние» (П.Е.Ковалевский) // Культурная миссия Российского Зарубежья. История и современность. М., 1999. С.108–114.

³³ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, 1971.

впервые показан значительный научный и культурный вклад российских эмигрантов в европейскую культуру и науку, в том числе и югославскую.

Подводя итог анализа существующей историографии изучаемой нами проблемы, следует отметить очень важную тенденцию в ее развитии. Общим недостатком советской и югославской историографии было игнорирование культурной деятельности российских эмигрантов в странах их пребывания, в том числе и в Югославии, на что обратила внимание современная российская, сербская и словенская историография. Следует также отметить, что, несмотря на многочисленные работы об отдельных российских ученых и профессорах, вплоть до настоящего времени нет комплексного исследования, посвященного российским профессорам югославских университетов. Именно поэтому мы поставили перед собой задачу в максимально возможной степени восполнить этот пробел.

Источниковая база исследования достаточно обширна и разнообразна, включает в себя несколько групп источников: документы министерства просвещения Королевства СХС, различные приказы и документы Белградского университета, статистические материалы, периодическую печать, источники историографического характера, воспоминания и письма.

Основу источниковой базы диссертационного исследования составляют архивные материалы архивохранилищ Сербии и России: Архива Сербской академии наук и искусств (АСАНУ), Архива Сербии (АС) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Архивные материалы, использованные при работе над данным диссертационным исследованием, можно разделить на три группы. К первой группе относятся официальные документы и распоряжения югославских властей (Белградский университет). Вторую группу составили документы эмигрантских организаций (Русский научный институт). В третью группу материалов включены документы личного характера: переписка, воспоминания, дневники.

Материалы Государственного архива Российской Федерации нами в работе были использованы в меньшей степени, поскольку большая часть хранящихся в них источниках, выявлена и введена в научный оборот российскими исследователями, занимавшимися проблематикой развития образования и сохранения культуры Русского Зарубежья.

В ГАРФ основной документальный материал выявлен, изучен и использован главным образом из двух фондов: Управления делами русской эмиграции в Сербии. Белград. 1920–1944 гг. и Русского научного института. В фонде Русского научного института, есть сведения о стипендиях для молодых российских ученых, проживавших в Чехословакии, что лишний раз показывает его значимость в истории науки Русского Зарубежья³⁴, а также ряд других материалов, которые не были использованы предыдущими исследователями.

Безусловный интерес представляет собой фонд Управления делами русской эмиграции в Сербии, который охватывает период времени с 1920 по 1944 г. В нем содержатся разнообразные источники, носящие вспомогательный характер для исследования³⁵.

В Архиве Сербской академии наук и искусств основной документальный материал выявлен, изучен и использован главным образом из двух фондов: Александра Белича, а также Евгения Аничкова, состоящего главным образом из воспоминаний, написанных ученым во время жизни в Королевстве СХС.

В работе также использовались письма российских ученых, обращавшихся в 20-30-е гг. XX в. к А. Беличу, занимавшему пост председателя Государственной комиссии (далее Державная комиссия – В.П.) и оказывавшего всяческую помощь и покровительство российской научной эмиграции. Стоит отметить, что этот ученый-лингвист неоднократно бывал в дореволюционной России и близко знал ряд представителей российской науки. Фонд Белича в Архиве Сербской академии наук содержит богатую корреспонденцию российских ученых, которые обращались к фондообразователю, как правило, с просьбами о помощи³⁶. Наиболее ценными для нас являются письма, в которых российские ученые подробно излагали свою научную биографию с целью обосновать свое право на занятие вакантного места в одном из университетов Королевства СХС.

Наиболее существенные материалы для исследования сосредоточены в фонде Белградского университета, хранящемся в Архиве Сербии.

В нем нами были выявлены материалы не только об общей деятельности университета в межвоенный период, но и личные досье преподавателей, а также

³⁴ ГАРФ. Ф.6820. Оп.1.Д.8.

³⁵ ГАРФ. Ф.6792.

³⁶ АСАНУ. Ф.14386. Оп.3.

документы, относящиеся к отдельным факультетам. При изучении фонда Белградского университета основное внимание было приковано к документам о профессорско-преподавательском составе. В фонде Белградского университета существуют т.н. «служебные листки», в которых содержатся анкетные данные на преподавателей университета³⁷. К недостаткам материалов следует отнести то, что содержащаяся в них официальная информация весьма лапидарна, в то же время положительным моментом является скрупулезное отражение университетской карьеры российских преподавателей.

К исследованию привлечены также «Записи заседаний университетского веча»³⁸, в которых наряду с многими вопросами общего характера отражено обсуждение вопросов избрания на должность и отправки на пенсию профессоров университета. Наиболее полезные материалы содержатся в «Годовых отчетах ректората университета министру просвещения», охватывающих период с 1925 по 1929 и 1934 по 1939 гг.³⁹ (некоторые из них вышли в виде отдельных публикаций)⁴⁰, и «Обзоре занятий университетских преподавателей» за 1924 г.⁴¹. Если в «Годовых отчетах» мы находим данные о количестве преподавателей на отдельных факультетах, то в «Обзорах» есть сведения о должности преподавателя, количестве часов его педагогической нагрузки, количестве обучающихся у него студентов и др. Здесь следует сделать оговорку, что к этим сведениям необходимо относиться критически, поскольку разные архивные источники называют различные данные о количестве студентов, да и педагогическая нагрузка также не была стабильной на протяжении всего межвоенного периода.

Архивные материалы, анализируемые в диссертации, ранее использовались исследователями в основном фрагментарно. Значительная их часть впервые вводится в научный оборот, в том числе, документы из фонда Белградского университета. Эти документы позволяют шире раскрыть тему не только научной, но и педагогической деятельности российских ученых в стенах прежде всего Белградского университета.

³⁷ АС. Ф.Београдски универзитет. Досије професора.

³⁸ АС. Ф.Београдски универзитет. Г-200. Записи Универзитетског веча.

³⁹ АС. Ф.Београдски универзитет. Годишњи извештаји ректората Универзитета Министру просвете.

⁴⁰ Универзитет у 1924-1925 године. Годишњи извештај ректора Универзитета министру просвете, са извештајима декана и неколиким посебним извештајима. Београд, 1926.

⁴¹ АС. Ф.Београдски универзитет. Преглед предавања.

Всестороннему анализу подвергнут широкий круг опубликованных документов и материалов. Прежде всего, это сборники официальных документов, касающихся истории Белградского университета в межвоенный период.⁴² Сведения, обнаруженные нами в архивах, были значительно дополнены различными юбилейными изданиями, посвященными отдельным факультетам Белградского университета.⁴³

Особую ценность представляют сборники материалов, выпущенные самими эмигрантами.⁴⁴ При изучении вклада российских ученых в науку и культуру Югославии нельзя пройти мимо уникального сборника, составленного эмигрантами в Белграде, который до сих пор является, пожалуй, основным источником по изучению российской науки за рубежом. Русский научный институт в Белграде выпустил в 1931 и 1941 гг. 2 тома «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом»⁴⁵. Эти «Материалы» содержат 13 371 библиографическую единицу 811 авторов. Здесь перечислены работы 472 российских ученых со всего мира, среди которых и деятели науки, работавшие в Югославии. Судя по первому тому «Материалов», количество российских ученых в Югославии за этот же период составляло 85 человек.

Важным источником по истории российской эмиграции является выпущенный самими эмигрантами в Югославии «Альманах. Русская эмиграция. 1920–1931 гг.». В нем содержатся сведения и о виднейших представителей эмиграции (в том числе и российских профессорах югославских университетов). «Альманах» вышел в 1931 г. как второй выпуск подобного издания, но в отличие от первого был полностью посвящен эмигрантам, а не самой Югославии⁴⁶.

Также в ходе диссертационного исследования нами привлекались сборники эмигрантских обществ и организаций, действовавших в Югославии в межвоенный период, в которых особую роль играли российские профессора⁴⁷.

⁴² Универзитет у 1924-1925 године. Годишњи извештај ректора Универзитета министру просвете, са извештајима декана и неколиким посебним извештајима. Београд, 1926; Баралић Д. Зборник закона и уредаба о Лицеју, Великој школи и Универзитету у Београду. Београд, 1967.

⁴³ Зборник Православног богословског факултета. Београд, 1950; Сто година филозофског факултета. 1863-1963. Београд, 1963; Faculty of mechanical engineering university of Belgrade. Belgrade, 1973.

⁴⁴ Русский учитель в эмиграции. Прага, 1926.

⁴⁵ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом в 2-х томах. Белград, 1931, 1941.

⁴⁶ Альманах. Русская эмиграция. 1920–1931 гг. Београд, 1931. Вып.2.

⁴⁷ Юбилейные сборник Русского археологического общества в королевстве Югославии. Белград, 1936.

Лишь в 2006 г. увидел свет двухтомник «Белая эмиграция в Югославии. 1918–1941»⁴⁸, который был составлен еще в 1955 г. российскими эмигрантами, имена которых до нас не дошли. Известно лишь, что сборник был подготовлен под давлением югославских спецслужб, которыми его авторам были предоставлены обширные архивные материалы.

Другим видом источников, использованных в диссертационном исследовании, являются материалы, печатавшиеся в эмигрантской («Новое время»)⁴⁹ и югославской периодической печати («Политика»⁵⁰ и «Югословенска политика»)⁵¹. «Новое время» было продолжением известной одноименной дореволюционной газеты, ее издавал сын А.С. Суворина, М.А. Суворин. Газета выходила в Белграде с 1921 по 1930 г. В программной статье первого номера редакция заявила о продолжении традиций, заложенных А.С. Сувориным. Предлагаемые читателям материалы располагались по разделам: «Передовые статьи», «В Сербии», «Последние известия», «Из России». Для нас наибольший интерес представляет раздел «Внутренняя хроника», в котором освещалась жизнь многочисленных русских колоний в Королевстве СХС, в том числе и российских преподавателей университетов⁵². Кроме перечисленных выше изданий изучен эмигрантский журнал «Русь» (Белград)⁵³, достаточно много материала было почерпнуто из сатирического журнала «Бух»⁵⁴. В качестве вспомогательного источника была использована газета югославских коммунистов «Рабочие новости»⁵⁵.

Совершенно особым видом источника являются некрологи и статьи в научных журналах, в которых отражались основные жизненные вехи ученого и его вклад в развитие той или иной сферы науки⁵⁶. Данный вид источника ценен тем, что основное внимание в нем приковано к научному вкладу ученого, анализу его творческого наследия.

Также нами привлекались некрологи, опубликованные не только в научной периодической печати, но и в ежедневных изданиях, как эмигрантских, так и югославских (среди них стоит выделить популярную югославскую газету

⁴⁸ Белоемиграција у Југославији: 1918 – 1941. Београд, 2006.

⁴⁹ Новое время. Белград. 1921–1922.

⁵⁰ Политика. Београд. 1920, 1930, 1933, 1934, 1938, 1996.

⁵¹ Југословенска политика. Београд. 1932.

⁵² Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 253–254.

⁵³ Русь. Белград. 1921.

⁵⁴ Бух. Белград. 1932.

⁵⁵ Радничке новине. Београд. 1920.

⁵⁶ См. напр.: Zrnčić N. J. Hitičijev // Tehnika. 1963. Br. 5.

«Политика»). Также хотелось бы остановить внимание на уникальном сборнике «Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997 гг.»⁵⁷ в 6 томах, 8 книгах. Сборник является собранием некрологов и траурных объявлений, опубликованных в печати русского зарубежья с 1917 г. по 1997 г., и содержит сведения о более чем 50 тысячах лиц, покинувших Россию в результате революции, гражданской войны и позже. В их числе мы находим имена многих российских ученых, работавших в Югославии в межвоенный период. К недостаткам источника следует отнести то, что в нем, зачастую нет никаких сведений о жизни человека, за исключением дат жизни.

В ходе исследования нами привлекались источники мемуарного и эпистолярного характера. По-настоящему уникальным стоит назвать сборник воспоминаний потомков или коллег о российских ученых, обретших свой дом в Сербии в межвоенный период, который увидел свет в 1994 г.: «Русские без России. Сербские русские». Он был и остается исключительным источником по изучению вклада российских эмигрантов в культуру и науку Югославии, поскольку в нем собраны сведения, не утратившие свою ценность до сих пор.

Совершенно особый сборник материалов, своего рода «энциклопедия» жизни российских эмигрантов в Югославии, увидел свет в 2008 г. В нем собраны источники разного характера: воспоминания, документы официального характера и многое другое.⁵⁸

К сожалению, российские эмигранты–ученые не оставили после себя большого мемуарного наследия. Приятным исключением являются воспоминания В.А. Мошина, впервые частично опубликованные В.И. Косиком в монографии «Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.)»⁵⁹, а в 2008 г. увидевшие свет в полном объеме на сербском языке⁶⁰. Они охватывают весь жизненный путь русского ученого. К сожалению, интересующему нас периоду отведена лишь небольшая часть воспоминаний.

Но есть воспоминания, в которых мы можем найти яркие и живые картины югославского периода жизни российских эмигрантов. Это прежде всего мемуары

⁵⁷ Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997 гг. М., 1999–2007.

⁵⁸ Русский Белград. Составители В.А. Тесемников, В.И. Косик. М., 2008.

⁵⁹ Из воспоминаний академика, протоиерея В.Мошина // Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX в.). М., 2000. С.178–205.

⁶⁰ Мошин В.А. Под теретом. Београд, 2008.

Н. М. Зернова, известного церковного и общественного деятеля, учившегося на Богословском факультете Белградского университета⁶¹. Если в мемуарах Н.М. Зернова описание его собственной жизни в Белграда достаточно обширно, то в других источниках содержатся лишь отдельные оценки и отрывочные наблюдения, которые все-таки позволяют понять сложности адаптации российской эмиграции в Королевстве СХС⁶².

В целом, привлеченного к исследованию корпуса источников и литературы предмета вполне достаточно для решения поставленных исследовательских задач.

Научная новизна исследования. Научная новизна работы определяется тем, что автор впервые в отечественной историографии рассматривает не отдельный вклад того или иного российского профессора в какую-либо область югославской науки и культуры, а рассматривает в целом всю историю российской научной эмиграции, работавшей в университетах Югославии в межвоенный период, с учетом опубликованных документов и новых архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Данная работа отличается от ранее проведенных исследований комплексным изучением поставленного вопроса.

Методология исследования. Задачи исследования определили применяемые диссертантом теоретико-методологические подходы, тот инструментарий, с помощью которого раскрывается обозначенная тема. Диссертация написана в соответствии с базовыми принципами исторического исследования – историзма, научной объективности, развития (изучения действительности как изменяющейся и развивающейся) и системности (изучения исторического явления как системы со своей внутренней структурой, типологией и динамикой). Применение общедоступных и конкретных методов исследования (анализ, синтез, компаративизм) сочетаются с универсальными принципами исследовательской этики (добросовестность и непредвзятость). В ходе диссертационного исследования использовался историко–антропологический

⁶¹ Зернов Н.М. За рубежом: Белград - Париж - Оксфорд: Хроника семьи Зерновых (1921-1972). Париж, 1973.

⁶² Бобровский П.С. Крымская эвакуация (Неоконченный дневник) // На чужой стороне. Кн. XI, XII. Прага; Берлин, 1925; Брандт А. Листья пожелтевшие: передуманное и пережитое. Белград, 1930; Глубоковский Н.Н. Из ненапечатанного архива: Автобиографические воспоминания // Церковь и время, 2003. № 2 (23); Даватц В.Х. Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926; Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. М., 1994; Исаченко А. Жить прожить//Russian linguistics: Journal contest. Vol.4 (1978–1980). №2; Каратеев М. Белогвардейцы на Балканах. Буэнос-Айрес, 1977; Кривошеина Н.А. Четыре трети нашей жизни. Париж, 1984; Мещеряков Н. На переломе. Из настроений белогвардейской эмиграции. М., 1922.

подход, позволяющий провести микроисторический анализ биографий отдельных ученых⁶³.

Практическая значимость исследования. Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в научно-исследовательской и преподавательской деятельности как непосредственно по теме работы, так и по другим вопросам истории Югославии и культурной истории России первой половины XX в. Биографические сведения о русских профессорах в межвоенной Югославии существенно обогащают историю отечественной науки и пригодны для использования при составлении соответствующих справочных изданий и в энциклопедиях.

Апробация результатов исследования. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Основные положения работы нашли отражение в ряде публикаций и выступлениях на различных конференциях (Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008», круглый стол «Александр I Карагеоргиевич и русская эмиграция» (октябрь, 2009 г.).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ВЫВОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Структура диссертации обусловлена поставленной целью и задачами. Работа состоит из введения, пяти глав, заключения и списка источников и литературы.

Во **введении** обоснована актуальность и новизна темы исследования, характеризуется степень научной разработанности, использованные источники и литература, определяются объект и предмет исследования, сформулированы его цели и задачи, хронологические и географические рамки, методы исследования и указана его практическая значимость.

Первая глава (Прибытие и трудности адаптации российской эмиграции в Королевстве СХС) состоит из пяти параграфов. Первый посвящен организациям, ведавшим делами помощи российским эмигрантам, как югославским, так и собственно эмигрантским. Также в этом параграфе освящено прибытие российских беженцев в Королевство СХС, в том числе бывших профессоров российских

⁶³ Пивовар Е.И. Российское зарубежье. Социально–исторический феномен... С.26.

университетов. Во втором параграфе описана встреча эмигрантов со стороны местного населения и первые годы жизни российской эмиграции в Королевстве СХС. Показана не только помощь со стороны югославского правительства, но и многочисленные проблемы, зачастую бытовые и мировоззренческие, с которыми приходилось сталкиваться всем слоям эмигрантского общества. Третий параграф полностью посвящен прибытию российской интеллигенции в Королевство СХС, испытывавшей наибольшие трудности по адаптации в местные условия жизни. Четвертый параграф посвящен сербской интеллигенции. Ее изучение позволяет нам взглянуть на уровень развития сербской культуры того времени, продемонстрировать влияние европейской и др. культур на традиции, господствовавшие в сербском обществе. Пятый параграф посвящен сравнению бытовых и традиционных привычек сербов и русских, вынужденных долгое время волею судьбы жить друг с другом рука об руку.

Вторая глава (Российские профессора Белградского университета) разбита на восемь параграфов, по числу факультетов, на которых работали российские профессора и преподаватели. Особое внимание в главе отражено истории создания не только самого университета, но и его факультетов. Многие из которых были открыты и получили значительное развитие лишь после окончания Первой мировой войны. В указанных параграфах приведены биографические сведения о российских ученых, в которых отражен их личный научный и педагогический вклад в развитие того или иного факультета Белградского университета, а вместе с ними и тех отраслей науки, которые не только преподавались, но и изучались в стенах университета.

Третья глава (Российские профессора Загребского университета) посвящена тем, из российских профессоров и специалистов, которые оказались во втором по значимости университетском центре Королевства СХС. Надо отметить, что в нем было не столь значительное количество российских специалистов, как в Белградском университете. Связано это с тем, что история университета в Загребе насчитывает не одно столетие, за это время сложилась собственная научная школа. Лишь состоявшиеся и уникальные российские специалисты и профессора были приняты в данный университет. Некоторые из них даже стали членами Югославянской академии наук.

Четвертая глава (Российские профессора Люблянского университета) посвящена самому молодому югославскому высшему учебному заведению, созданному после Первой мировой войны. Основной проблемой университета в Любляне была острая нехватка финансирования и научных кадров, поэтому российские специалисты оказались здесь востребованы. В историографии их имена и достижения вплоть до последнего времени были преданы забвению, что призвано исправить данная диссертационная работа.

В пятой главе (Российские академические организации в Югославии) рассматривается характер деятельности российских академических организаций в Югославии в 20-30-е гг. XX в. Первоначально они были призваны объединить и помочь российским эмигрантам, но постепенно на первый план вышли организации, занимавшиеся исключительно научной деятельностью при самой широкой поддержке со стороны югославского государства (Русский научный институт, Русское археологическое общество, Институт Н.П. Кондакова).

В заключении диссертации обобщены итоги исследования и сформулированы основные выводы, которые сводятся к следующим положениям:

1. Российская научная эмиграция в Югославии представляет собой сложное историческое и социальное явление, которое является элементом существенно более широкого феномена – исхода части населения из Советской России в годы революции и Гражданской войны.

В Королевстве СХС оказалось порядка 30-40 тысяч российских эмигрантов. Их обустройство стало нелегким испытанием для нового государства, понесшего тяжелейшие людские и материальные потери в ходе Первой мировой войны. При этом правительство страны, утроившей свою территорию, столкнулось не только с социальными и экономическими, но и национальными проблемами. В этих условиях российские эмигранты, пусть и невольно, оказались причастными к внутренним проблемам страны пребывания. В отечественной историографии Русского Зарубежья чаще всего объектом внимания является история политической и военной эмиграции и недооценивается ее культурная составляющая. Исторические связи России и славянских народов на Балканах насчитывают не одно столетие, но за все это время было лишь несколько случаев такого массового контакта, когда произошло непосредственное столкновение

внешне схожих, но по сути весьма различных культур. Анализ данного аспекта проблемы показал, что адаптация российских эмигрантов в Югославии проходила намного легче, чем в других странах Европы, что было связано с беспрецедентными мерами правительства в данной области и языковой близостью. Но было бы ошибочно считать, что процесс взаимной адаптации был безоблачным. Русские и сербы неохотно учили язык друг друга, что мешало более тесному их сближению в условиях перманентных экономических и мирового экономического кризиса рубежа 20-30-х гг. Местные жители смотрели на эмигрантов как на конкурентов. Особенно жестко конкуренция была в академической среде, в том числе и из-за ограниченного числа имевшихся рабочих мест в трех югославских университетах.

2. В диссертационном исследовании было собрано максимальное количество сведений обо всех российских сотрудниках Белградского (с филиалами в Суботице и Скопье), Загребского и Люблянского университетов. Нами были выявлены сведения, что 76 российских специалистов (в звании от ассистента до ординарного профессора) работало в стенах Белградского, 21 – Загребского и 16 – в Люблянского университетов. Таким образом, в межвоенный период в югославских университетах было не менее 113 российских профессоров и преподавателей, из них 14 были удостоены звания академиков (Сербской, Македонской и Югославянской академии наук в г. Загреб).

К сожалению, беды российской эмиграции не закончились на Октябрьской революции и Гражданской войне. В апреле 1941 г. Югославия была расчленена и оккупирована. Белградский университет, несмотря на несколько попыток, так и не смог возобновить свою работу после событий 27 марта 1941 г. Война 1941-1945 гг. стала новым испытанием для российской научной эмиграции, которая в одночасье была лишена своего основного заработка. После окончания Второй мировой войны в Югославии к власти пришли коммунисты. И если в 1930-е гг. численность российских сотрудников югославских университетов сокращалось главным образом по естественным и материальным причинам, то после Второй мировой войны многие ученые переехали в США и страны Западной Европы.

Очередным ударом для эмигрантов стал разрыв советско-югославских отношений в 1948 г., многие из них были обвинены в шпионаже в пользу СССР.

Одной из особенностей репрессий в отношении российских эмигрантов в ФНРЮ стало то, что наиболее пострадали ученые, работавшие в Белградском университете. Судьба сотрудников Загребского и Люблянского университетов сложилась гораздо удачней, их практически не затронули репрессии и преследования. Поэтому они продолжали преподавать и после событий 1948 г.

3. Образование Королевства СХС, одного из крупнейших государств на Балканах, имевшего весьма напряженные отношения и территориальные споры со многими соседями (Болгарией, Венгрией, Италией), поставило перед правительством задачу создания условий для ускорения процесса модернизации страны, прежде всего ее индустриализации. В связи с этим сразу же возникла проблема высококвалифицированных кадров, причем не единичных, а достаточно массовых.

Решение этой проблемы, возложенное на вновь созданные технические факультеты трех университетов после Первой мировой войны, оказалось в полном объеме практически невозможным из-за отсутствия достаточного числа собственных научно-педагогических кадров. Выход был только один – привлечь оказавшихся по воле судьбы в Королевстве СХС специалистов из числа российских эмигрантов. Можно даже предположить, что при принятии решения об учреждении технических факультетов имевшие к этому отношение государственные мужи и университетские руководители учитывали соответствующий потенциал российской эмиграции. И они в своих расчетах не ошиблись.

Так, на Техническом факультете Белградского университета работал 20 человек, Загребского университета – 11, Люблянского университета – 9. Это явление можно считать закономерным, поскольку довоенная Сербия была преимущественно аграрной страной и инженерно-технические кадры для ее неразвитой индустрии в основном готовились в зарубежных университетах. Сходная картина наблюдалась в хорватских и словенских землях Австро-Венгрии.

На других факультетах югославских университетов количество привлеченных российских преподавателей зависело от наличия собственных научных и педагогических кадров по тем или иным дисциплинам. По конфессиональным причинам 7 русских церковных ученых легко нашло себе место

на Богословском факультете в Белграде. Хорошие возможности трудоустройства были на Философском факультете Белградского университета (включая филиал в Скопье). Здесь работали 17 российских специалистов (стоит отметить, что только четверо из них были на отделении естественных наук). В Загребе же потребность в них оказалась минимальной (оба преподавателя скончались до 1945 г.), аналогично выглядела ситуация в Любляне – трое (из которых только один продолжил работу на факультете и после войны).

Что касается российских медиков, то их лучше всего принимали в Загребе (7 человек за весь межвоенный период), в Белграде их было столько же, и только один специалист работал в Любляне. В отличие от инженерно-технических специалистов, медики были активно востребованы в предвоенное время во всех югославянских землях, Сербии и Черногории. Возможность иметь частную практику и хорошие заработки привлекали в эту профессию много желающих, не жалевших средств на обучение в зарубежных университетах. Да и российские медики легче других коллег по эмиграции находили для себя занятие по специальности во всех странах мира.

Чего нельзя сказать о юристах, чья специализация всегда прочно привязана к национальному праву. Спрос был главным образом на тех из них, кто специализировался в общетеоретических правовых дисциплинах. Юристы активно принимались на работу в Белградский университет, включая Суботицу (8), в Любляне их было 3, а в Загребе вообще ни одного.

Большое количество российских специалистов было востребовано на новооткрытом факультете Сельского хозяйства и лесоводства Белградского университета (15 человек), также на Ветеринарном факультете работал единственный российский преподаватель. Эти данные свидетельствуют о большом внимании со стороны югославского правительства к проблеме модернизации аграрного сектора экономики Королевства СХС. В других университетах картина была принципиально иной, лишь один российский специалист нашел работу на Ветеринарном факультете Загребского университета.

В ходе исследования было выявлено то, что наряду с выдающимися и состоявшимися еще в дореволюционной России учеными, в Королевство СХС прибыло значительное количество молодых специалистов. Именно здесь они

сделали университетские карьеры и состоялись как ученые. Среди известных ученых, работавших в университете, нельзя обойти стороной фигуру Г.А. Острогорского, чьим именем была названа самая большая аудитория Философского факультета Белградского университета в начале XXI в. Подобные примеры, показанные нами в работе, доказывают то, что, несмотря на тяжелую судьбу российской эмиграции в Югославии, научная школа продолжала успешно функционировать и после Второй мировой войны.

4. Об успешной адаптации большинства российских ученых и специалистов свидетельствует деятельность российских академических организаций, значительную роль в которых играли представители российской профессуры югославских университетов. Из-за политических разногласий произошел раскол ряда обществ, что негативно сказалось на результатах их деятельности. В этих условиях на первый план вышли строго научные объединения. На примере их работы можно заметить, что постепенно российские профессора и специалисты отошли от своих исследований, связанных и начатых на родине, и обратились в своих работах к югославским сюжетам.

5. Проведенное нами исследование российской академической эмиграции в Югославии в 1920-1941 гг. свидетельствует об ее огромном вкладе в образование, науку и культуру Югославии. Следует сказать, что многие российские ученые были уникальными специалистами. Именно благодаря им в югославских университетах стал преподаваться ряд современных дисциплин, были открыты новые кафедры, отделения и институты, стало возможно создание новых факультетов необходимых государству, находящемуся в состоянии модернизации.

По теме диссертации имеются следующие публикации:

1. Путятин В.С. Служение гонимой церкви (Российские профессора и студенты на Богословском факультете в Белграде) //Родина. 2009. №4. С. 59–61.

2. Путятин В.С. Российские профессора на Юридическом факультете Люблянского университета в межвоенный период //Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. №11. С.90-92.